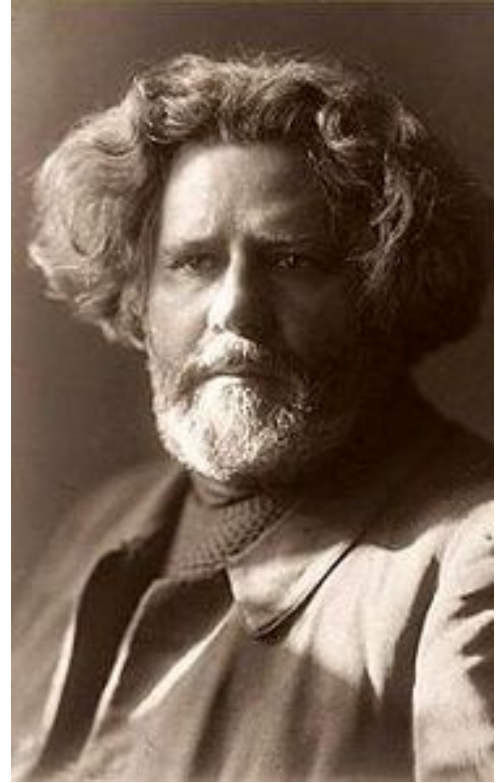

Лев Озеров

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН, УВИДЕННЫЙ ЕГО СОВРЕМЕННОКАМИ

Всякий сборник воспоминаний – это, по существу, коллективный портрет, созданный людьми разного возраста, характера, темперамента. Участники такой книги, конечно, не улавливались о том, что они невольные соавторы, оказавшиеся под одним переплётом. Каждый из них в разное время и в меру сил писал свои воспоминания, исходя из личного опыта и относясь к предмету описания с восторгом или с отрицанием, если говорить о крайностях (они наличествуют и в этой книге, посвящённой М. А. Волошину). Как из разноцветных кусков стекла, мрамора, эмали, цветных камешков, укрепленных на слое цемента или мастики, составляется мозаика, мозаичный портрет, так из разнохарактерных воспоминаний деятелей искусства, людей всевозможных наук и ремёсел, общественных деятелей складывается образ примечательного человека. Таким примечательным человеком в данном случае является Максимилиан Александрович Волошин, жизнь которого охватывает два с лишним десятилетия XIX и три с лишним десятилетия XX века.

Естественно, что участие читателя в создании такого образа немаловажно. Книга даёт разнообразный и по содержанию, и по форме материал, комментирует его. Читатель, однако, не может, не должен оставаться пассивным к предлагаемому материалу. Он должен его познать и осмыслить. Вот почему наибольшую пользу ему принесёт близкое знакомство с произведениями самого М. Волошина, с его стихами, поэмами, переводами, прозой. Именно это приблизит читателя к пониманию книги воспоминаний о Волошине, написанной его современниками. Именно это даст ему точку отсчёта и ориентиры.

О М. А. Волошине написано воспоминаний намного больше, чем могло войти в эту книгу, по сути дела, первую предпринятую у нас попытку такого рода. Одно дело составлять книгу воспоминаний о примечательном русском писателе XVIII-XIX веков. Здесь есть долгая традиция составления и издания. Другое дело составить, скомпоновать и прокомментировать книгу о писателе впервые, то есть идти по первопутку, собрать разрозненные материалы о долго и несправедливо замалчивавшемся деятеле нашей культуры.

В этой книге читатель найдёт воспоминания, принадлежащие перу писателей (Андрей Белый, Иван Бунин, Викентий Вересаев, Марина Цветаева, Илья Эренбург,

Георгий Шенгели, Корней Чуковский и др.), художников (Елена Кругликова, Александр Бенуа, Маргарита Сабашникова, Анна Остроумова-Лебедева), искусствоведов, журналистов, друзей поэта разных лет начиная с его детства. Жизнь Волошина даётся в движении во времени, вписывается в него. Время является фоном воспоминаний. Но – не только фоном. Оно является действующим лицом. И это важное свойство книги.

Постижение трудов и дней, личности Волошина происходит не вдруг. Это сложный и долговременный процесс. Вначале проступает импозантное, игровое, может стать театральное, маскарадное, экзотическое, одним словом, внешне-показательное. Это бросается в глаза, особенно на фоне Крыма, Коктебеля: эллин, римлянин, бродячий певец-бандурист, сказитель.

От первого лица он мог говорить о Франции и Греции, Испании и Швейцарии, о Гомере и Данте, Руанском соборе и Млечном Пути. Позднее явственно начнут проступать черты скитальца – искателя правды и красоты, мыслителя, историка, звездочёта и живописца. Сложная, внешне далеко не ординарная натура; идти по её следам увлекательно, что испытали на себе многие, в том числе и пишущий эти строки.

Ещё при жизни Волошин стал легендой. Сейчас легенда вырастает в миф. Тем не менее это реальная фигура в истории русской литературы и русского искусства. Он был хранителем «святого ремесла», как назвала работу поэта Каролина Павлова. Следы его впечатаны не только в почву Крыма, но и в почву русской культуры нашего века: в поэзию, искусство перевода, прозу, живопись, искусствоведение, философию.

Читателю этой книги предстоит по разрозненным записям создать единый образ человека и поэта. Это, повторюсь, увлекательно, хотя и непросто.

Для того чтобы показать, как по-разному воспринимали Волошина разные люди, приведу несколько описаний его глаз. Это любопытно с двух точек зрения: во-первых, перед нами свидетельства смотревших в эти глаза современников, во-вторых, это говорит о многообразии, переменчивости, текучести облика самого Волошина.

Не только сочинения, но и внешность поэта останавливала внимание и запоминалась своей несхожестью с окружающими людьми.

«На нём был костюм серого бархата – куртка с отложным воротником и короткие, до колен, штаны – испанский гранд в пенсне русского земского врача, с головой древнего грека, с голыми коричневыми икрами бакинського грузчика и в сандалиях на босу ногу», – вспоминал писатель Эм. Миндлин в своей книге «Необыкновенные собеседники». Серые мерцающие глаза Волошина он называет смеющимися. Запомним.

Марина Цветаева эти же глаза рисует по-другому. Иное она видит «в его белых, без улыбки, глазах, всегда без улыбки – при неизменной улыбке губ». Не помнит ни у кого таких глаз: «...глаза точь-в-точь как у Врубелевского Пана: две светящиеся точки...» Цветаева взгляда не отводит от «...светлых почти добела, острых почти до боли (так слёзы выступают, когда глядишь на сильный свет, только здесь свет глядит на тебя), не глаз, а свёрл, глаз действительно – прозорливых». Постепенно приходит

определение: «Не две капли морской воды, а две искры морского живого фосфора, две капли живой воды».

Живописец и поэт Леонид Евгеньевич Фейнберг (брат композитора и пианиста Самуила Евгеньевича Фейнберга) познакомился с Волошиным в 1911 году. Он пишет: «Широкий, отвесный лоб был несколько выдвинут вперёд, с упорным доброжелательным вниманием. Взгляд не очень больших, светлых, серо-карих глаз был поражающе острым – вместе с тем и бережно-проницательным. В его глазах было нечто от спокойно отдыхающего льва».

Совсем по-иному (можно сказать – по контрасту) увидел те же глаза Волошина явно не симпатизирующий ему Борис Садовской: «Из-под пенсне и нависших бровей на широком лице беззаботно щурятся маленькие странно-весёлые глазки». Сравните «странно-весёлые» с «бережно-проницательными».

Андрей Белый в мемуарах «Начало века» описывает званый ужин у Брюсова и увиденного им на этом ужине Волошина: ярко-рыжую бороду, рыжеватую шапку волос, пенсне «с синусоидой шнура, взлетевшего в воздух». Волошин щурился на Бальмонта «затонувшими в щёчных расплывах глазами».

Всеволоду Рождественскому Волошин «казался похожим на ясноглазого, примиренного с жизнью старца, бродячего рапсода гомеровских времён». Здесь ясноглазый старец, этакий коктебельский Платон Каратаев или Лука из «На дне». Эти глаза резко отличаются от «странно-весёлых глазок». Пишут разные люди с их разным подходом к Волошину. Об этом читатель забывать не должен.

Вдова поэта М. С. Волошина в неопубликованной рукописи своих заметок о нём сочувственно выделяет наблюдения близкого знакомого, искусствоведа Эриха Геллербаха, который увидел «глаза зеленоватые, внимательные, почти строгие глаза, глядевшие собеседнику прямо в зрачки, но без всякой въедливости и назойливости, спокойно и вдумчиво... Когда Волошин улыбался, глаза оставались совершенно серьёзными и становились даже более внимательными и пристальными». Новое, несхожее с предыдущими описание глаз.

Цвет глаз, свет глаз, их отсветы и, главное, впечатление от них, складывающееся не отдельно, а в связи с обликом поэта.

В описании глаз и взгляда Волошина семью современниками можно найти противоречия. Я намеренно привёл так много определений разных людей. Они показательны и говорят о том, что разные собеседники видели человека по-разному. Это вполне естественно и не должно озадачивать читателей. Но здесь имеет место и другое. Сам Волошин бывал разным. И это – от богатства натуры. От постоянно ищущей пытливей мысли. Наиболее наблюдательные из современников отмечают в поэте именно эту черту – богатство человеческой и художественной натуры, поисковый характер творчества, умение проникать в разные пласты истории разных народов.

Читатель этой книги получает обильный материал о жизни, личности, многообразном творчестве М. А. Волошина. К тому же в распоряжение читателя попадают три автобиографических очерка 1925 и 1930 годов. И всё же не лишне будет остановиться на важнейших вехах его биографии.

Ещё в ранние годы всем существом Волошина овладел зародившийся в нём и всё возраставший интерес к поэзии, к искусству вообще, особенно к живописи. Творчество и суждения о творчестве, не мешая друг другу, шли рядом всю жизнь.

В Московском университете, на юридический факультет которого Волошин поступил в 1897 году, он увлечён задуманным им «Студенческим сборником», выпускавшимся в пользу нуждающихся студентов. Волошин неблагонадежен. Находится под негласным надзором полиции.

«Что-то скажем, наконец, мы – первое поколение двадцатого столетия?..» Он пишет:

*Не жилища в нашем мире
Наша муза. Ведь она
В глубине самой Сибири
Жгучим горем рождена.
Эти песни прилетели
И родились средь степей
В буйном ропоте метели,
Под зловеций звон цепей...*

В этих ранних стихах Максимилиана Волошина слышатся отголоски революционно-демократической поэзии, поэзии Некрасова и поэтов некрасовской школы. В дальнейшем они будут звучать все глуше и глуше. Но позднее, в стихах, написанных поэтом в революционные дни 17-го года и в годы гражданской войны, они заявят о себе с новой силой.

А пока бунтарские порывы юности сменяются страстью к путешествиям по европейским странам, по Средней Азии, где поэт почувствовал «древность, относительность европейской культуры». Максимилиан Волошин предстаёт перед нами убеждённым скитальцем, познающим мир. С рюкзаком он прошёл Италию, Швейцарию, Австрию, Францию, Германию, Испанию, Грецию. Он жадно познавал пространство и время, народы и их культуры. При свойственном Волошину артистизму он легко проникал в любую историческую среду, отделённую от него морями и столетиями, он чутко и внятно воспроизводил померкшие в памяти поколений исторические краски. Это его свойство подмечено современниками поэта и воспроизведено в их воспоминаниях.

Взгляд на мир с высоты тысячелетних культур разных народов становится у Волошина главенствующим в пору его творческого созревания. Судьба народов Земли, самой Земли в кругу светил – вот что его интересует в первую очередь.

*Каждый рождается дважды. Не я ли
В духе родился на стыке веков?
В год изначальный двадцатого века
Начал головокружительный бег.
Мудрой судьбой закинутый в сердце*

*Азии, я ли не испытал
 В двадцать три года всю гордость изгнанья
 В рыжих песках туркестанских пустынь?
 В жизни на этой магической грани
 Каждый впервые себя сознаёт
 Завоевателем древних империй
 И заклинателем будущих царств.
 Я проходил по тропам Тамерлана,
 Отягощённый добычей веков,
 В жизнь унося миллионы сокровищ
 В памяти, в сердце, в ушах и глазах.*

Эти строки из маленькой поэмы Волошина «Четверть века» написаны в Коктебеле в декабре 1927 года, в дни землетрясения. Все три времени настоящее, прошедшее, будущее – сомкнуты в одно, пространство сплющено, и человек, написавший эти строки, находится во всех веках и в любом пункте планеты одновременно. Такова магия поэзии Волошина.

Волошин прошёл через увлечение поэзией "парнасцев" – группы французских поэтов прошлого века (Эредиа, Сюлли-Прюдом, Леконт де Лилль, Малларме), отделивших искусство от насущных интересов общества. Русскому поэту импонировало живописное начало этой школы, рельефность словесного образа, умение выражать вечность мира, его краски, тона и полутона. Эта эстетическая программа "парнасцев" воплощается в стихах Волошина и в зрелую его пору, и в позднюю, правда, претерпевая известные изменения. Эти изменения продиктованы всё большим влиянием русской поэтической традиции, идущей от Пушкина и Тютчева.

В предисловии к книге избранных стихотворений «Иверни», 1918 г. ("иверни" – редко встречающееся русское слово, означающее "черепки" или "осколки"), Волошин излагает в общих чертах эволюцию своей поэзии, её героя: *«Вначале странник отдаётся чисто импрессионистическим впечатлениям внешнего мира... переходит потом к более глубокому и горькому чувству матери-земли... проходит сквозь испытание стихией воды... познает огонь внутреннего мира и пожары мира внешнего...»* Здесь в укрупненно-поэтических, можно сказать, мифологических образах показана дорога идейно-художественных исканий поэта. От беглых хаотичных впечатлений бытия к познанию сути истории мира в связи с историей индивидуума ("огонь внутреннего мира" в сочетании с "пожарами мира внешнего"). Это сочетание лирики и эпоса остается до конца жизни поэта и художника одной из характерных его черт.

В первой русской революции Волошин видит «...первое начало, а не продолжение 70-х годов, так как, вероятно, это движение пойдёт совсем иным путём». Он чувствовал, что это не будет продолжением народничества, это будет нечто новое, неизвестное ему.

«Мятежом на коленях» назвал Волошин первые проявления народного недовольства в начале 1905 года. В январе этого года Волошин был в Петербурге. Он пишет

статью «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге», статью, которая, с одной стороны, является свидетельством очевидца, с другой показывает настроение самого поэта. Он уже в ту пору понял, что произошедшее в дни кровавого января является первым звеном в цепи событий революционного характера. Поэт предчувствовал конец империи, хотя выразил это, быть может, чересчур помпезно, театрально. В прозе это звучит так: «Зритель, тише! Занавес поднимается». В стихах, написанных в Петербурге в 1905 году («Предвестия»), он говорит:

*Уж занавес дрожит перед началом драмы...
Уж кто-то в темноте, всезрящий, как сова,
Чертит круги, и строит пентаграммы,
И шепчет вещи заклятья и слова.*

Поэтом овладевают "блуждания духа", он увлекается теософией, "познанием самого себя", изучает историю французской революции, продолжая размышлять над судьбами своей Родины.

Каков путь истории? Волошин не знает. Но он решительно отвергает жестокость и кровопролития. Война убийство, террор неприемлемы для него. Эти средства не оправданы никакой целью. Такова позиция Максимилиана Волошина. Она на протяжении всей его жизни могла принимать тот или иной оттенок, но в существе своём он оставался верен христианским принципам, особенно сильным в период первой мировой войны.

*Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом иль жертвой палача.*

"Хмельная отравка" братоубийства – по Волошину – равно грозит и палачу, и жертве палача.

Не случаен отказ Волошина от воинской службы в дни первой мировой войны, когда в письме военному министру он открыто заявляет: «Я отказываюсь быть солдатом, как европеец, как художник, как поэт... Как поэт я не имею права поднимать меч, раз мне дано Слово, и принимать участие в раздоре, раз мой долг – понимание».

Война для Волошина – величайшая трагедия народов. Для него «в эти дни нет ни врага, ни брата: все во мне, и я во всех».

Само собой напрашивается сравнение социально-исторической позиции Волошина с толстовским непротивлением злу насилем. Разумеется, учение Толстого не сводится только к такому непротивлению, оно гораздо шире и масштабней. Волошин в статье «Судьба Льва Толстого» (1910) замечает: «Формула всемирного исцеления от зла проста: не противься злу, и зло не коснется тебя. Толстой провел её в своей жизни последовательно и до конца». И далее – сокрушенно: «Толстой не понял смысла зла на земле и не смог разрешить его тайны».

Нет смысла превращать Волошина в толстовца, но вполне естественно говорить о гуманизме как начале, их объединяющем.

16 октября 1916 года М. А. Волошин пишет из Коктебеля в Париж М. С. Цетлиной: «Поскорей бы кончалась эта мировая нелепица. Странно: в Базеле я воспринял войну апокалиптически, в Париже как великую трагедию, в России же не могу к ней относиться иначе, как к чудовищной нелепости. Так все нелепо кругом, такие грандиозно-нелепые формы принимают её отражения в окружающей жизни»¹.

Он был многолик, но не двуличен. Если он и ошибался, то всегда в сторону жизни человека, а не его гибели. Волошин видит людей, которых хочет сберечь. Он их понимает и жалеет. Он – враг насилия, ему равно близки и равно от него далеки и те и эти, и белые и красные. Нет правых, нет виноватых, все достойны жалости и осуждения.

С риском для жизни Волошин в дни господства белых в Крыму спасает красных. Об этом вспомнит Вс. Вишневский, когда подарит Волошину свою книгу «Первая Конная» с надписью: «...шлю Вам эту книгу, где показаны мы, которым в 1918-20 гг. вы оказывали смелую помощь в своём Коктебеле, не боясь белых». Подобные свидетельства есть и от лица белых, которым поэт оказывал помощь, не боясь красных. Время действия нам известно: 1918-1920 годы. Место действия – всё тот же Крым, Коктебель.

Это был отнюдь не абстрактный гуманизм, а последовательная, продуманная позиция. Волошин был убеждён, что читатель, которого он "найдёт в потомстве", поймёт его. Именно о нём, будущем своём читателе, думал он, когда отвечал одному из тех критиков-вульгаризаторов, которые самозванно и самодовольно писали в те годы от имени народа, обвиняя поэта в противостоянии революции, в "контрреволюционном" характере его творчества. Вот почему ответ Волошина на несправедливую, жестокую критику – его «Письмо в редакцию», опубликованное в журнале «Красная новь» (1924. № 1), завершалось такими знаменательными, поистине пророческими словами: «Стихи мои... сами сумеют себя отстоять и очиститься от нарастающих на них шлаков лже-понимания».

Был у этого волошинского письма и первоначальный вариант, где поэт открыто, с мужественной прямоотой разъяснял свою позицию. «Разумеется, писал он – красных при белых и белых при красных я защищал не из нейтральности и даже не из "филантропии", а потому, что массовое взаимоистребление русских граждан в стране, где культурных работников так мало и где они так нужны, является нестерпимым идиотизмом. Правители должны уметь использовать силы, а не истреблять их подурачки, как велись все терроры, которых я был свидетелем.

Коммунизм в его некомпромиссной форме мне очень близок, и моя личная жизнь всегда строилась в этом порядке, государственный же враждебен, как всё, что идёт под знаком Государства, Политики и Партийности».²

Перечитываю эти строки волошинского письма и понимаю: испытанные, печально известные социологические мерки мало или, сказать по правде, ничего не могут объяснить в личности Волошина, в нестандартности, как прежде казалось, неумест-

¹ Письмо не опубликовано. Хранится в архиве А. Ф. Маркова (Москва).

² Оригинал этого письма М. А. Волошина хранится в архиве А. Ф. Маркова.

ной старомодности его суждений. Для Волошина слово "партийность", звучавшее в устах зарвавшихся террористов, было синонимом сектантства, чванливости (комчванства), отгороженности от народных устремлений и интересов. Он, гуманист, не мог примириться с тем, что воочию видел в годы гражданской войны и в самом начале 20-х годов у себя в Крыму. Отсюда – такие воспалённые, кровью написанные стихи, как «Бойня», «Террор», «Потомкам».

Это ощущение было близко и Марине Цветаевой, о чём она пишет в своём очерке о Волошине. Она была там. Он был здесь. Это читатель должен понимать.

Волошин был мечтателем, и коммунизм в его свободной некомпромиссной форме ему был очень близок. Но против жестоких, уродливых, бесчеловечных форм его осуществления он решительно протестовал. И этот протест был протестом человека досталинской поры, чутко уловившего тенденцию времени. Это было предупреждением. Одним из ранних предупреждений о возможности сталинщины и бериевщины.

Волошин не дождал до апогея сталинского режима – середины/конца тридцатых годов. Наибольшим капиталом называл Сталин человека и, называя его так, сам становился миллионером. Именно он и его подручные укорачивали человека на голову в лагерях и тюрьмах, множили единицу на миллионы. В ту пору и возник термин "абстрактный гуманизм", объявлявший традиционное гражданское и духовное человеколюбие вне закона. Человечность не совмещалась с бесчеловечностью и поэтому была упразднена как идеология, якобы чуждая пролетариату, чуждая социализму сталинского типа, противная духу диктаторского режима "вождя народов" и "корифея науки". И, разумеется, в этом расчисленном и процеженном восприятии художественных ценностей не было места для поэзии Волошина. А она, наперекор всему, продолжала жить. И прежде всего – именно потому, что в "минуты роковые" истории Максимилиан Волошин не искал удобного убежища от бурь и треволнений. Он не покинул страну в тревожные годы её, в годы революции и гражданской войны. «Ни война, ни революция не испугали меня и ни в чём не разочаровали, – признавался Волошин в своей автобиографии, – я их ожидал давно и в формах ещё более жестоких». Он был поэт, и пережитые им бури и треволнения прошли сквозь его жизнь, через его сердце:

*Верю в правоту верховных сил,
Расковавших древние стихи,
И из недр обугленной России
Говорю: «Ты прав, что так судил!»
Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия.
Если ж дров в плавильной печи мало,
Господи, – вот плоть моя!*

Он никогда не писал с такой страстностью, с такой взрывчатой силой, как в годы революционных потрясений и гражданской войны. До алмазного закала прокалилась

**Вересаев В. В., Волошин М. А.,
Богаевский К. Ф.**

не только толща бытия, но и душа поэта. Слова, прежде скрывавшие огонь, теперь стали неистово выбрасывать его. Да и сами слова прокалились и стали другими.

Раньше он был мечтателем, книжником, графическим лапидарных строк, акварелистом слова, писавшим тонкой кистью. Сейчас его стихия – огонь. Он прошёл "сквозь муки и крещение совести, огня и вод".

Писатель В. В. Вересаев, долго живший в Крыму и давно знакомый с Волошиным и его творчеством, справедливо заметил: «Революция ударила по его творчеству, как огниво по кремню, и из него посыпались яркие, великолепные искры. Как будто совсем другой поэт явился, мужественный, сильный, с простым и мудрым словом...»

Революция привела к поэту вереницу персонажей русской истории. Привела и приковала к ним внимание. После мифологии – история. Перед ним проходят и цари, и повстанцы, и монахи, и мастера.

Было много их – люты, хоробры, / Но исчезли, "изникли, как обры", / В тёмной распре улусов и ханств, / И смерчи, что росли и сшибались, / Разошлись, растеклись, растерялись / Средь степных безысходных пространств.

Это – из стихотворения «Дикое Поле», написанного в июне 1920 года. Революция и послереволюционные годы были годами настойчивого, глубокого, трагедийного взгляда современного поэта в исторические судьбы России.

Стихи исторического цикла исполнены тонкого ощущения времён прошедшего, настоящего, будущего. Такое впечатление, будто Волошин самолично побывал на стрелецкой казни, видел, как Грозный побил Орду, что поэт сам работал на петровских верфях, гнал наполеоновских солдат по Смоленской дороге, шёл по Владимирке вместе со ссыльными революционерами. Передвижение во времени для Волошина возможно так же, как передвижение в пространстве. Его стихи и поэмы рождались в гуле сменяющихся эпох, на перекрёстках, тропах и тропках, большаках, магистральных путях истории.

Так история входит в современность волей поэта, сочетающего эпохи и народы. Поэзия Максимилиана Волошина именно сочетает, а не сравнивает. Она не делает исторических выводов и не терпит аллегорий. Читатель следует за поэтом, веря в то, что в пути им встретятся и корабль Одиссея, и Пушкин, с корабля озирающий "берега Тавриды", и Богаевский с этюдником, и лётчик и художник Арцеулов, ищущий место, удобное для планеризма.

В зрелые крымские годы действенное общение с людьми, навещавшими его и жившими у него, заменило ему скитальчество, "охоту к перемене мест".

В трёх точках Коктебельского залива узнаётся Волошин. Первая точка дом, где он жил и работал. Вторая – могила, которую можно увидеть, стоя рядом с домом. Третья точка – склон горы Карадаг. Если смотреть в эту сторону из дома поэта, абрис скалы напоминает профиль Волошина. Он сам замечает это, когда в стихотворении из цикла «Киммерийская весна» (1918) говорит о Коктебеле:

*Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поёт в волнах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.*

"Судьбой и ветрами" изваяны и поэтические создания Волошина. "Огонь древних лет и дождевая влага двойным резцом ваяли облик" поэта и его поэзии, с годами всё более отходившей от канонов и предписаний символизма и современных ему течений и обретавшей самостоятельность и самобытность, сделавшие его продолжателем русской классики XVIII-XIX веков.

Восточный Крым, его горы и море, сизые, коричневые (сепия!), сиреневые складки его земли, оваянные древнегреческими легендами о "гомеровской стране" – всё это с молодых лет было близко поэту. Это отразилось и на его внешнем, и на его духовном облике.

Современный пейзаж Коктебеля и его окрестностей, покоряющий своей красотой, внушает вместе с тем мысль о древности этой земли, об огромных исторических эпохах, здесь наглядно явленных. Пространство и время здесь как бы объединились, чтобы своей двуединой силой держать в плену наше поэтическое чувство. Максимилиан Волошин именно это и стремился выразить своей поэзией. Он чувствовал:

*Каких последов в этой почве нет
Для археолога и нумизмата –
От римских блях и эллинских монет
До пуговицы русского солдата!..*

Я цитирую строки из созданной М. Волошиным в конце 1926 года поэмы «Дом поэта» (иногда её называют большим стихотворением). Он писал в ней:

*А за окном расплавленное море
Горит парчой в лазоревом просторе.*

Это море, эти "окрестные холмы", это небо поэт наблюдал влюблённо, жадно, круглосуточно, запечатлевая свои видения в стихах и в живописи.

Много и увлечённо скитавшийся по миру, Волошин в оседлости своей проявил такую же увлечённость. Он выбрал место и построил дом, удобный для жизни и работы. Как прежде он кочевал, чтобы увидеть мир и людей, так теперь мир и люди стремились к нему. «Дом Волошина – целое единственной жизни, живой слепок неповторимого лика, вечная память о нём», – говорил Андрей Белый. Сам поэт пишет об этом в письме искусствоведу Голлербаху: «"Волошинский дом" – это не я. А целый коллектив. Коллектив художников, поэтов, философов, музыкантов, учёных».

В разные эпохи в России были салоны, знатные дома, клубы ("клобы"), где собирались интересные люди. Были имения и квартиры, ныне ставшие памятниками культуры или навеки загубленные в годы сталинщины. Но никому не удалось создать столь долговременную, столь дружную артель художников, как это удалось Волошину.

"Дом поэта" имеет и прямой и переносный смысл. Местожительство, мастерская поэта и художника. И вместе с тем "Дом поэта" расширяется до понятия "Мир поэта".

Дом Волошина был похож на корабль. Его так и называют – корабельным. Дом-пристанище? Не только. Над домом – башня с площадкой для наблюдений за звёздами.

Стартовая площадка для полёта мысли.

Здесь поэт ощущал связь дома, одинокой души и безмерности вселенной. Киммерия становится не только местом физического пребывания Волошина, местожительством его, но и – главным образом – "истинной родиной его духа".

*Сердце мира, солнце Алкиана.
Сноп огня в сиянии Плеяд!
Над зеркальной влагой Океана
Грозди солнц, созвездий виноград.*

Поэт из мастерской, с капитанского мостика своего корабля на приколе, видит залив, горы, небо, мирозданье.

Обаяние Дома поэта было велико и после кончины поэта, когда вокруг его вдовы Марии Степановны собирались молодые и старые поклонники поэзии, ныне здрав-

ствующие и действующие художники, писатели, учёные. Дом Волошина продолжал свою жизнь.

Щедро одарённый, Максимилиан Волошин мог делать всё – золотые руки. Подобно тому, как в видном деятеле литовской культуры начала нашего века Чюрленисе сочетались художник и музыкант, в Волошине соединились поэт и художник. Он был мастером и выглядел потомком какого-то племени крепышей, путешественников, художников. В нём было нечто прочное, надёжное, основательное, возрожденческое. В нём искали опоры.

*Утихла буря. Догорел пожар.
Я принял жизнь и этот дом, как дар
Нечаянный, – мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлён землёю.
Всей грудью к морю, прямо на восток
Обращена, как церковь, мастерская
И снова человеческий поток
Сквозь дверь её течет, не иссякая.*

Среди людей, нередко даже образованных, есть умелые мастера разлучать, разводять даже недавних добрых друзей, ссорить, разобщать. Волошин сводил, сочетал, образовывал гроздья и гнёзда тружеников и творцов, радовался встречам и горевал по поводу невстреч. Он верил (и в этой вере пребывал до конца жизни), что человек от рождения гений, что в нём заложена энергия солнца.

Сам Волошин определял себя как коробейника идей. Цветаева добавляла: «и коробейника друзей». Он любил давать, давал щедро: ночлег, свежую акварель, обед, мысль, стихотворение, надежду. Он предотвращал возможную вражду, зависть, недоброжелательство. Опять Цветаева: «Всякую занесённую для удара руку он, изумлением своим, превращал в опущенную, а бывало, и в протянутую». Делал он это легко и душевно.

Максимилиан Волошин создал мир, исполненный любви и братства людей искусства, неповторимый мир, о котором сейчас можно говорить с завистью и восторгом, как о сотворённом самим человеком. Его жизнь и его смерть в 1932 году носят характер легенды. Пятьдесят пять лет. Ещё жить бы ему и жить. Но читатель не может не признать в жизни и творчестве Волошина известной завершённости. Она как песнь – начало, продолжение, конец. И только сейчас настает час, когда об этой жизни и об этом творчестве можно, не таясь, говорить во весь голос.

По своему человеческому и творческому облику Волошин решительно противостоит тенденциям времени, истоки которого – в проявлениях насилия и произвола – уже давали о себе знать при жизни поэта, тенденциям, ныне достаточно ярко обнародованным в прессе на десятках и сотнях примеров человеческих судеб его современников. В этом свете истории культуры вправе отнести М. А. Волошина к числу самых выдающихся гуманистов нашего века, таких, как Владимир Короленко, Альберт

Швейцер, Ромен Роллан, Томас Манн, Бернард Шоу. Он был бесстрашен в выражении правды, стоек в житейской борьбе, непреклонен в своей вере в человека и культуру.

Горе-историки новейшей литературы тщились запихнуть Волошина в раздел "пацифистов", стоящих "над схваткой", сторонних наблюдателей. На деле всё было сложнее и драматичнее, как мы могли уже в этом убедиться, знакомясь с суждениями Волошина о том, как "велись все терроры", которых он был свидетелем, и как относится к этому он, поэт и гражданин, вступающий в "борьбу с террором независимо от его окраски".

Волошин ненавидел войну. Борьба против войны и её угрозы, спасение человечества от уничтожения – актуальнейшие вопросы современности – уже давным-давно находились в эпицентре его поэтического внимания. Он был одним из первых деятелей культуры, кто ещё до атомной бомбы стал бороться за выживание человечества. Тогда, задолго до второй мировой, задолго до Хиросимы и Нагасаки, он поднял голос в защиту полного мира.

На протяжении жизни в учении, в скитаниях по миру, в работе, в общении с людьми, в чтении и познании Максимилиан Волошин воспринял и выработал гуманитарные принципы, являющиеся основой его творческого поведения. Его понятие об истории человечества и истории культуры опираются на всю выработанную веками в борении, в диспутах, в спорах гуманитарную мысль о высшей ценности личности, её свободе и достоинстве.

Он искал гармонии. Рождённый для гармонии, он жил в мире, раздираемом противоречиями, в мире, расколотом войнами и революциями. В эпоху гражданской войны и разрухи, террора и ужасающего голода. Приходится удивляться глубине его художественных и научных предвидений, умению предвосхищать будущее. Его чувство обострилось и стало предчувствием.

Исследователи лунной поверхности цитируют Волошина («...Ни сумрака, ни воздуха, ни вод. / Лишь острый блеск гранитов, сланцев, шпатов. / Ни шлейфы зорь, ни вечера закатов / Не озаряют черный небосвод») и удивленно говорят о том, как тонко и точно передал поэт восприятие как бы приближенного к нам спутника Земли:

*...И страшный шрам на кряже Лунных Альп
Оставила небесная секира.
Ты, как Земля, с которой сорван скальп
Лик Ужаса в бесстрастности эфира!..*

Лунная поверхность, с которой "сорван скальп", увидена поэтом в 20-е годы, когда наука об этом могла только догадываться. Поверхность Луны отличается от земной, как свидетельствуют ученые, "отсутствием толстого чехла переработанных в сравнительно недавние геологические эпохи пород". И это – ключ ко многим проблемам происхождения и эволюции Солнечной системы. Как поэт космических предчувствий Волошин должен быть с благодарностью упомянут наукой, именуемой планетологией.

два года до упомянутого стихотворения (1901). Земля землёй, но поэт посмел и взглянуть "вниз на звёзды" (обращает на себя внимание этот планетарный взгляд, это "вниз" – с земли, прикованной к ноге). Он научается видеть песчинку и планету не отдельно друг от друга, а во взаимодействии. Он идёт ещё дальше:

«Так будь же сам вселенной и творцом!»

Рывок мысли от планеты к человеку. Поэт писал о космосе, возвеличивая человека и его дело, и оказался нашим современником.

Нынешняя эпоха космических полётов дала возможность по-новому взглянуть на те стихи Волошина, которые обращены к мирозданию. Эта сторона творчества поэта выходит нынче на первый план.

В одном из писем 1923 года поэт пишет: «...приходится идти совершенно непротопанными дорогами, и не знаю, что удалось формулировать, что нет». Речь идёт о цикле «Космос» (1923), состоящем из семи фрагментов. От мифических озарений молодости поэт проделал путь к "теории относительности" и новейшим открытиям в области физики и астрономии. Казалось бы, неактуальный и надмирный в год написания, этот цикл, равно как и другие стихи на эту и родственные темы, стал крайне современным и даже актуальным в наши дни.

Так современность открывает в наследии поэта то одну, то другую его часть, имея в виду в будущем (оно уже наступает) раскрыть его целостно и всесторонне. Пора это будущее приблизить и сказать о Волошине всю правду без опасений и оглядок.

Максимилиан Волошин относится к числу тех художников слова, которые не сразу вошли в культурный обиход современников. Это вхождение происходило постепенно, оно продолжается и в наши дни.

Художественный опыт Максимилиана Волошина освоен последующими поэтами, вошёл в культурный опыт русской литературы и литературы народов СССР. В большей или меньшей степени влияние Волошина испытали на себе Марина Цветаева и Илья Сельвинский, Вера Звягинцева и Николай Тарусский, Георгий Шенгели и Александр Кочетков, Сергей Шервинский и Елена Благинина, Всеволод Рождественский и Сергей Наровчатов, Арго и Марк Тарловский, Клара Арсенева и Павел Антокольский, Арсений Тарковский и Мария Петровых, украинские поэты и переводчики Микола Зеров и Максим Рыльский. Это не школа. Это нечто большее. Это культурно-историческая общность.

При жизни Волошина и после его смерти было немало примечательных деятелей культуры, высоко ценивших его и оставивших убедительные свидетельства этого в виде воспоминаний, очерков, заметок, эссе.

Помнится, в Дубултах на Рижском взморье, в 1956 году, в последнюю осень жизни Владимира Луговского, мы много и увлеченно говорили о Волошине. Началось с того, что, глубоко вбирая воздух в грудь, Владимир Александрович восхищённо, не объявив автора, стал читать – почему-то со второй строфы:

*Ветер клонит
Ряд раки,
Листья гонит
И вихрит
Вихрей рати,
И на скате
Перекаати
Поле мчит.*

Луговской читал эти стихи Волошина с нескрываемым удовольствием, лихо, озорно, будто вспоминал свою юность, свои ветры, обутое в "солдатские гетры".

Когда он дочитал стихотворение «Осенью»:

– Волошин! – воскликнул я.

– Узнали? – удивился Луговской. – Это меня радует, потому что этого блистательного мастера успели порядком подзабыть. Давно не издаётся, старые книги редки... – И после паузы: – Я многому учился у него...

Мы стали по памяти цитировать отдельные строки и строфы из Волошина. Читали их, восторгаясь, причмокивая, получая истинное удовольствие. Поэзия!

Мы много раз убеждались в том, что слово поэта передаёт его тончайшие ощущения.

«О, запах цветов, доходящий до крика!»

Каким надо обладать чутьём, чтобы в слове выразить запах, доходящий до крика... "Крик" – слуховое ощущение распространено на запах. Диффузия ощущений и чувств делает поэзию Волошина многомерной.

Изобразительность слова Волошина можно объяснить его живописным даром. Но этого объяснения недостаточно. Его пронизательность историка и психолога видна во всех его произведениях.

«Живопись учила его видеть природу», – говорил Вячеслав Иванов. Он же в 1904 году писал Волошину: «У вас глаз непосредственно соединен с языком. Вы какой-то говорящий глаз». Это верно. Но этого мало. У Волошина абсолютный слух. Мелодика его стиха подключена к системе его зрительных образов, к звукописи, к мысли.

*С тех пор как отроком у молчаливых
Торжественно-пустынных берегов
Очнулся я – душа моя разъялась,
И мысль росла, лепилась и ваялась
По складкам гор, по выгибам холмов.*

Пластика и мелодика образа и мысли в их сочетании помогали поэту в постижении мироздания и истории, народа и индивидуума.

Он работал всегда и всегда ждал гостей в свой дом. Иные из видевших Волошина говорили о нём как о крымском отшельнике. Его рисуют домоседом, чуть ли не бирюком. А он был общительнейшим из русских поэтов. Редкий пример доброжелательства. Он собирал силы новой литературной, живописной, мыслящей России.

Творческие достижения Волошина признавали М. Горький и А. Луначарский, И. Анненский и М. Сарьян, В. Брюсов и М. Кузмин, А. Дживелегов и В. Вересаев, М. Цветаева и А. Белый, А. Толстой и И. Эренбург и многие другие. Однако, изданный скудными дореволюционными тиражами, он оставался поэтом, известным сравнительно небольшому кругу любителей.

При жизни Волошина вышло в свет тринадцать оригинальных и переводных книг его стихов, переводов, прозы. Многие подготовленные им работы не увидели света и дождалось публикации лишь теперь.

Максимилиан Волошин – это обширный поэтический материк, до сих пор нами не освоенный.

Пониманию творческого наследия Максимилиана Волошина на протяжении десятилетий мешали люди, которые старались наклеить на него ярлык и привязать то к ранне-поздним символистам, то к пацифистам, то к сторонникам модерна и распада, то обзывали космополитом, писавшим русские стихи так, будто это французские стихи. Это всё искажает истинный облик художника возрожденца по духу, поэта-мыслителя, истинного патриота, гуманиста.

Оговорки и описки в отношении М. А. Волошина устойчивы. В редакционной врезке, предпосланной публикации стихов Волошина в «Новом мире» (1988. № 2), читаем: "смятение русского интеллигента", "стремление остаться над схваткой", "печать трагической растерянности"...

Такие прямолинейные оценки заставляют ещё раз напомнить о необходимости более отчётливого, глубокого представления о гуманистических принципах мироощущения поэта. Сейчас, на большом временном расстоянии, очевидно, что Волошин отвергал бессмысленное кровопролитие, насилие, людскую чёрствость и ожесточение. В наши дни стихи из циклов «Пути России», «Усобица» и др. выглядят, по слову Александра Бенуа, откровениями. В стихах Волошина, созданных им в 1918-1922 годах, выражена надежда, что "из ненавидящей любви, из преступлений, исступлений – возникнет праведная Русь"... Обращает на себя внимание удивительной силы словосочетание "ненавидящая любовь". Нельзя не увидеть поэтической точности в определении сознательно избранной позиции в стихотворении Волошина «Гражданская война», в её завершающей строфе:

*Одни восстали из подполий,
Из ссылок, фабрик, рудников,
Отравленные тёмной волей
И горьким дымом городов.
Другие из рядов военных,
Дворянских разорённых гнёзд,*

Где проводили на погост
 Отцов и братьев убиенных.
 В одних доселе не потух
 Хмель незапамятных пожаров
 И жив степной, разгульный дух
 И Разиных, и Кудеяров.
 В других – лишённых всех корней
 Тлетворный дух столицы невской:
 Толстой и Чехов, Достоевский
 Надрыв и смута наших дней...
 Одни идут освободить
 Москву и вновь сковать Россию,
 Другие, разнуздав стихию,
 Хотят весь мир пересоздать.
 В тех и в других война вдохнула
 Гнев, жадность, мрачный хмель разгула...
 А я стою один меж них
 В ревущем пламени и дыме
 И всеми силами своими
 Молюсь за тех и за других.

Рисую портреты современников, Волошин вместе с тем рисует автопортрет. И это надо знать читателям предлагаемой книги. Летописец, эпик, бытописатель в обличье Волошина сочетается с проникновенным лириком.

С большим опозданием, но очень естественно и без каких-либо потуг, при всеобщем к нему интересе входит Волошин в духовную жизнь наших современников. Долгий путь заблуждений в отношении Волошина, надеемся, пройден и завершён. Недооценка его роли в истории нашей литературы, упрощённая трактовка его общественной позиции, стремление записать поэта в "абстрактные гуманисты" – всё это не выдержало испытания временем. Наследие Максимилиана Волошина – литературное и живописное – это испытание выдержало. Оно пережило прямых и косвенных хулителей, нигилистически его отрицавших и готовивших для него полное забвение. А между тем многие творения Волошина (особенно последних десяти – пятнадцати лет его жизни) только сейчас по-настоящему глубоко прочитываются и продолжают оказывать серьёзное влияние на новые поколения художников слова и кисти. Вот почему идущим поколениям так важно узнать, как жил и работал, как искал и мыслил МАСТЕР.